

М. Г. Гирич¹,
А. Д. Левашенко²

¹ *Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России, г. Москва, Россия*

² *Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, г. Москва, Россия*

Оценка данных как фактора рыночной власти в сделках экономической концентрации на цифровых рынках

Контактное лицо:

Гирич Мария Георгиевна, научный сотрудник, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России

E-mail: girich@iep.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8093-2665>

eLIBRARY SPIN-код: 3142-3049

Левашенко Антонина Давидовна, старший научный сотрудник, и. о. заведующего лабораторией анализа лучших международных практик, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара

E-mail: levashenko@iep.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2029-3667>

eLIBRARY SPIN-код: 4865-6301

Аннотация

Цель: анализ рисков ограничения конкуренции, связанных с приобретением и объединением массивов данных в сделках экономической концентрации на цифровых рынках, а также оценка, каким образом антимонопольные органы учитывают характеристики данных при контроле таких сделок, включая переход от традиционных финансовых критериев оценки сделок к анализу качественных характеристик данных как источника будущей рыночной власти.

Методы: включают сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного регулирования (США, Великобритании, Германии и пр.), анализ судебной и правоприменительной практики по вопросам оценки данных в сделках экономической концентрации на цифровых рынках, а также элементы теоретико-экономического анализа с использованием категорий рыночной власти, сетевых эффектов и теорий вреда в конкуренции.

Результаты: показывают, что данные в цифровой экономике выступают самостоятельным источником рыночной власти, если они являются уникальными или трудно воспроизводимыми на рынке, не имеют сопоставимых альтернативных источников их получения конкурентами, могут быть объединены с уже имеющимися массивами данных, алгоритмами, пользовательской базой и цифровой инфраструктурой покупателя, создавая экономическую ценность. В таких условиях концентрация данных в результате сделки экономической концентрации может наносить конкурентный вред через устранение потенциальных конкурентов, ограничение доступа конкурентов к критически важным данным, перенос рыночной власти на смежные рынки через формирование замкнутых цифровых экосистем; снижение уровня защиты персональных данных пользователей. Выявлено, что зарубежные юрисдикции постепенно переходят от исключительно количественных финансовых критериев контроля концентраций на цифровых рынках к более гибкой оценке качественных критериев сделок, включая доступ к данным, инновациям и пр.

Научная новизна: состоит в анализе данных как самостоятельного объекта антимонопольной оценки в сделках экономической концентрации (убийственные приобретения, ограничение доступа, перенос власти на смежные рынки, ухудшение приватности), а также в разработке критериев для оценки качественных характеристик данных (уникальность, актуальность, скорость обновления, воспроизводимость) и условий для отказа в согласовании сделки (незаменимость данных, укрепление доминирования именно за счет концентрации данных, появление у компании возможности ограничивать доступ к данным или переносить власть на смежные рынки).

Практическая значимость: заключается в формировании предложений по совершенствованию подходов ФАС России к оценке данных в сделках экономической концентрации, включая необходимость учета не только их стоимости, но и качественных характеристик: уникальности, актуальности, воспроизводимости, скорости обновления, возможности их комбинирования с другими массивами данных и пр.

Ключевые слова:

экономическая теория, конкуренция, данные, сделки экономической концентрации, сетевые эффекты, основанные на данных, теории вреда

Финансирование

Статья подготовлена в рамках исследования, предусмотренного государственным заданием Всероссийской академии внешней торговли.

Как цитировать статью: Гирич, М. Г., Левашенко, А. Д. (2026). Оценка данных как фактора рыночной власти в сделках экономической концентрации на цифровых рынках. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 502–518. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.502-518>

Scientific article

M. G. Girich¹,
A. D. Levashenko²

¹ All-Russian Academy of Foreign Trade of the Russian Ministry of Economic Development, Moscow, Russia

² Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

Data assessment as a factor of market power in economic concentration transactions in digital markets

Contact:

Maria G. Girich, researcher, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Russian Ministry of Economic Development

E-mail: girich@iep.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8093-2665>

eLIBRARY SPIN code: 3142-3049

Antonina D. Levashenko, Researcher, Acting Head of the Laboratory for the Analysis of Best International Practices, Gaidar Institute for Economic Policy

E-mail: levashenko@iep.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2029-3667>

eLIBRARY SPIN code: 4865-6301

Abstract

Objective: to analyze the risks of restricting competition associated with the acquisition and consolidation of data arrays in transactions of economic concentration in digital markets; to assess how antimonopoly authorities take into account the characteristics of data when controlling such transactions, including the transition from traditional financial criteria for evaluating transactions to analyzing the qualitative characteristics of data as a source of future market power.

Methods: comparative legal analysis of Russian and foreign regulation (USA, UK, Germany, etc.); analysis of judicial and law enforcement practice on data assessment in transactions of economic concentration in digital markets; elements of theoretical and economic analysis using categories of market power, network effects and theories of harm in competition.

Results: in the digital economy, data act as an independent source of market power if they are unique or difficult to reproduce in the market, if competitors do not have comparable alternative data sources, and if the data can be combined with existing data arrays, algorithms, user base, and digital infrastructure of the buyer, creating economic value. In such conditions, the concentration of data as a result of an economic concentration transaction can cause competitive harm through the elimination

of potential competitors, limiting competitors' access to critical data, transferring market power to adjacent markets by forming closed digital ecosystems, and reducing the level of protection of users' personal data. It was revealed that foreign jurisdictions are gradually moving from merely quantitative financial criteria for controlling concentrations in digital markets to a more flexible assessment of qualitative criteria for transactions, including access to data, innovation, etc.

Scientific novelty: data were analyzed as an independent object of antimonopoly assessment in economic concentration transactions (murderous acquisitions, restriction of access, transfer of power to adjacent markets, deterioration of privacy). Criteria were developed for evaluating the qualitative characteristics of data (uniqueness, relevance, rate of update, reproducibility) and conditions for refusal to approve the transaction (data indispensability, dominance strengthening through the data concentration, the company's ability to restrict access to data or transfer power to adjacent markets).

Practical significance: proposals were formulated to improve the approaches of the Russian Federal Antimonopoly Agency to evaluating data in economic concentration transactions, including the need to address not only their cost, but also their qualitative characteristics: uniqueness, relevance, reproducibility, rate of updating, possibility of combining them with other data sets, etc.

Keywords:

economic theory, competition, data, economic concentration transactions, data-based network effects, theories of harm

Financial Support

The article was prepared as part of research under the state assignment of the All-Russian Academy of Foreign Trade.

For citation: Girich, M. G., & Levashenko, A. D. (2026). Data assessment as a factor of market power in economic concentration transactions in digital markets. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 502–518. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.502-518>

Введение

Начиная с 2000-х гг. ряд крупных цифровых компаний усилил доминирующее положение на национальных и глобальных рынках, в том числе за счет серии слияний и поглощений: только в 2008–2018 гг. *Google* приобрела 168 компаний, *Facebook*¹ – 71, а *Amazon* – 60 (Argentesi et al., 2019. Р. 10). Такие сделки позволили платформам выходить на смежные рынки путем включения приобретенных компаний и их сервисов в собственные цифровые экосистемы, объединять массивы данных, пользовательские базы и технологические активы, укрепляя свою рыночную власть.

Традиционно сделки экономической концентрации предполагают объединение корпоративных, финансовых и производственных активов компаний, включая приобретение голосующих акций или долей, получение средств производства, имущества и пр. Однако на цифровых рынках компания может вовсе не обладать такими активами в классическом смысле, ее конкурентное преимущество формируется прежде всего за счет нематериальных активов – пользовательских баз и массивов данных, алгоритмов, программного обеспечения, интеллектуальной собственности и пр.

При этом сделки, которые по своему масштабу и характеру способны повлиять на состояние конкуренции, а также достигают установленных законом пороговых значений, подлежат согласованию с антимонопольным органом. В процессе оценки сделки антимонопольные органы исходят из ряда «количественных» критериев: размера оборота (*turnover*²) или выручки³ сторон сделки, стоимости и объема приобретаемых прав, нематериальных активов и пр. Например, в России сделка подлежит согласованию с Федеральной антимонопольной

¹ Принадлежит компании Meta Platforms Inc.*, признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации.

² Например, в ЕС определяется оборот *turnover* – сумма от продажи товаров и оказания услуг, относящихся к их обычной деятельности, за вычетом налогов и иных налогов, связанных с оборотом.

³ Например, в России выручка определяется как доходы от обычных видов деятельности, таких как продажа продукции и товаров, выполнение работ, оказание услуг (в соответствии с Приказом Минфина России от 06.05.1999 № 32н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету "Доходы организации" ПБУ 9/99»).

службой, если суммарная стоимость активов компаний превышает 7 млрд руб. либо суммарная выручка выше 10 млрд руб.

Однако на цифровых рынках специфика состоит в том, что влияние сделки на конкуренцию не всегда отражается в «количественных» критериях, так как приобретаемая компания может иметь небольшую выручку, ограниченный объем активов или находиться на ранней стадии развития, но обладать важными технологиями, базой пользователей, алгоритмами или командой специалистов, а также данными, включая уникальные массивы, которые невозможно воспроизвести из иных источников или приобрести у третьих лиц. Например, в 2012 г. компания *Facebook*⁴ приобрела сервис *Instagram*⁵, который на тот момент не генерировал выручку и имел всего 13 сотрудников. Однако компании уже конкурировали на рынке приложений для обмена фотографиями, так как за год работы *Instagram*⁵ набрал более 10 млн пользователей, став потенциальным конкурентом на рынке социальных сетей и баннерной рекламы, в том числе за счет объема собираемых данных⁶.

При этом часто сделки с такими компаниями могут не подпадать под установленные странами «количественные» пороги согласования сделок экономической концентрации. Так, Федеральная торговая комиссия США выявила, что *Google, Amazon, Apple, Facebook*⁷ и *Microsoft* в 2010–2019 гг. провели 616 сделок, которые превышали 1 млн долл. США, и они не подпали под требование о предварительном уведомлении антимонопольных органов⁸. Однако сделки, когда доминирующая компания приобретает небольшие цифровые компании, позволяют ей в первую очередь получать доступ к новым массивам данных, а также интегрировать их с данными собственных сервисов, формируя более полные пользовательские профили, а также доступ к алгоритмам или технологиям, усиливая рыночную власть всей цифровой экосистемы.

В рамках статьи мы сконцентрируемся на данных как на нематериальном активе, приобретение которого в сделках экономической концентрации становится фактором конкурентного преимущества, способным усиливать власть на цифровых рынках. Так, в 2024 г. рассматривалось дело *U.S. v. Google* в отношении поисковой системы *Google*, которая использует сигнал ранжирования *Navboost* (связывает поисковые запросы с веб-страницами на основе накопленных данных о кликах пользователей)⁹. Суд США отметил, что *Google* для обучения *Navboost* требуется собирать данные в течение 13 месяцев, тогда как конкурирующему поисковику *Bing* требуется сбор данных в течение более 17 лет для создания системы, аналогичной *Navboost*. Этот пример показывает, что на цифровых рынках данные выступают не просто вспомогательным ресурсом, а самостоятельным фактором рыночной власти, дающим платформе преимущество, которое конкурент не может быстро воспроизвести.

Таким образом, на цифровых рынках данные могут приобретать значение стратегического конкурентного ресурса: их накопление и объединение усиливают рыночную власть не через повышение цен, а через воздействие на неценовые параметры (приватность, условия доступа и пр.), что требует учета данных при оценке конкурентных последствий концентрации.

Чтобы снизить влияние власти платформ, регуляторы стран могут требовать от доминирующих компаний предоставлять конкурентам доступ к ключевым массивам данных. Например, в апреле 2026 г. Еврокомиссия потребовала от *Google* предоставить сторонним поисковым системам доступ к данным поиска (запросы, кли-

⁴ Принадлежит компании Meta Platforms Inc. *, признанной экстремистской организацией, запрещенной в Российской Федерации.

⁵ Принадлежит компании Meta Platforms Inc. *, признанной экстремистской организацией, запрещенной в Российской Федерации.

⁶ GOV.UK. (2012, August 14). Anticipated acquisition by Facebook* Inc of Instagram Inc* (ME/5525/12). <https://www.gov.uk/stma-cases/facebook-instagram-inc> (* Принадлежит компании Meta Platforms Inc. *, признанной экстремистской организацией, запрещенной в Российской Федерации.)

⁷ Принадлежит компании Meta Platforms Inc. *, признанной экстремистской организацией, запрещенной в Российской Федерации.

⁸ FTC. (2021, September 15). FTC Staff Presents Report on Nearly a Decade of Unreported Acquisitions by the Biggest Technology Companies. <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2021/09/ftc-staff-presents-report-nearly-decade-unreported-acquisitions-biggest-technology-companies>

⁹ U.S. Department of Justice. (2020). U.S. and Plaintiff States v. Google LLC. <https://www.justice.gov/atr/case/us-and-plaintiff-states-v-google-llc>

ки, просмотры и пр., в том числе накопленные чат-ботами) – будут определены объемы поисковых данных, которыми *Google* обязан делиться, способы и частота обмена, параметры установления справедливых цен и пр.¹⁰ Цель таких мер – снизить монопольное преимущество *Google Search*, основанное на масштабе накопленных данных, и создать условия для развития альтернативных поисковых и ИИ-сервисов. Аналогичная практика по принудительному предоставлению *Google* данных конкурентам предлагалась также в 2025 г. Минюстом США¹¹. Хотя предоставление доступа к данным еще не снижает риски для конкуренции, такая мера должна применяться лишь тогда, когда данные обладают признаками незаменимого ресурса, а отказ в доступе способен привести к ограничению конкуренции (Ючинсон, 2017. С. 237; Dacar, 2023. Р. 1491).

Целью статьи является анализ роли данных как самостоятельного фактора рыночной власти в сделках экономической концентрации на цифровых рынках, а также исследование трансформации подходов анти-монопольных органов к контролю таких сделок – от традиционной оценки количественных порогов (оборот, стоимость активов, рыночные доли) к учету качественных характеристик – как доступу к данным. Для достижения цели будут систематизированы основные теории конкурентного вреда, связанные с концентрацией данных в горизонтальных и негоризонтальных сделках, проанализирована зарубежная и российская практика оценки данных при рассмотрении сделок экономической концентрации, отражающая переход от количественных порогов контроля к оценке «качественных» характеристик сделок, а также сформулированы критерии, при наличии которых возможен отказ в согласовании сделки.

Результаты исследования

Почему важно оценивать данные в сделках экономической концентрации?

Данные сегодня становятся одним из факторов рыночной власти на цифровых рынках. Традиционно рыночная власть понимается как способность компании прибыльно удерживать цену выше конкурентного уровня (Calvano & Polo, 2019. Р. 3). Однако на цифровых рынках, где часто сервисы предоставляются бесплатно (по нулевой цене), платой пользователя фактически выступают его данные и согласие на их обработку. Поэтому рыночная власть здесь может проявляться в контроле над данными, включая способность ограничивать доступ к ним конкурентов, расширять объем собираемых данных, снижать уровень защиты или ухудшать контроль пользователя над его персональными данными, т. е. в «неценовых параметрах конкуренции» (Jenny, 2021. Р. 1152; Голованова и др., 2023. С. 77). Такое поведение эквивалентно повышению цены на традиционном рынке (Grunes & Stucke, 2016).

Компании все активнее внедряют бизнес-модели, в которых данные, в том числе персональные, выступают ключевым ресурсом (Stucke & Ezrachi, 2016. Р. 30). Их власть усиливается за счет «сетевых эффектов»: когда ценность продукта или услуги для пользователя возрастает по мере увеличения числа других участников, использующих эту же платформу¹² (Martens, 2020. Р. 10). При этом накопление и использование цифровыми компаниями данных образует «петли обратной связи данных» (*data feedback loops*): чем больше пользователей у платформы, тем больше данных она собирает; чем больше данных, тем лучше работают алгоритмы (и иные технологии, которые обрабатывают данные), помогая понимать поведение пользователей и повышать качество сервисов, услуг; это привлекает еще больше новых пользователей, которые, в свою очередь, генерируют еще больше данных¹³. В итоге формируются «сетевые эффекты, основанные на данных» (Prüfer & Schottmüller, 2017. Р. 1; Grunes & Stucke, 2016): объем накапливаемых данных («эффект масштаба») и их разнообразие повы-

¹⁰ European Commission. (2026, April 16). Commission proposes measures to Google on sharing search engine data with third parties under Digital Markets Act. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_26_825

¹¹ United States District Court For The District Of Columbia. Case No. 20-cv-3010 (APM). https://ecf.dcd.uscourts.gov/cgi-bin/show_public_doc?2020cv3010-1436

¹² OECD. (2018). Rethinking antitrust tools for multi-sided platforms. Paris: OECD Publishing. P. 14. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2018/04/rethinking-antitrust-tools-for-multi-sided-platforms_2a887a98/a013f740-en.pdf

¹³ OECD. (2023). Theories of harm for digital mergers: OECD Competition Policy Roundtable background note. DAF/COMP(2023)6. Paris: OECD Publishing. P. 8. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/05/theories-of-harm-for-digital-mergers_7bae0553/0099737e-en.pdf

шают эффективность работы алгоритмов платформы при сопоставлении данных, усиливая сетевые эффекты, позволяя платформе получить еще большее доминирование на рынке. Бизнес-модель, основанная на сборе, накоплении и использовании данных как ключевого источника рыночной власти, в литературе получила название *data-opoly* («монополия, основанная на данных») (Stucke, 2018. Р. 275).

Поэтому объединение данных из разных источников в сделках экономической концентрации, включая получение дополнительных массивов данных при слиянии компаний, создает большую экономическую ценность по сравнению с отдельным использованием данных, создавая для платформы конкурентное преимущество (Гирич, Левашенко, 2025. С. 27; Fast et al., 2023).

Важно подчеркнуть, что само по себе усиление рыночной власти, в том числе вследствие получения контроля над данными, не противоречит антимонопольному законодательству. Антиккурентные эффекты возникают, если данные представляют существенную ценность для деятельности на рынке, альтернативные источники их получения отсутствуют, а концентрация дает объединенной компании возможность ограничить доступ к ним. Антиккурентные эффекты могут возникать в двух случаях: вследствие последующего поведения объединенного хозяйствующего субъекта (как отказ в доступе или дискриминационный доступ к данным для других участников рынка) либо в результате того, что объединенный массив данных сам по себе становится барьером входа на рынок, усиливая рыночную власть (Lynskey, 2018. Р. 4).

Если говорить о рисках последующего одностороннего поведения после сделки, данные могут рассматриваться как «ключевая мощь», когда контроль над ними позволяет доминирующему хозяйствующему субъекту ограничивать доступ конкурентов к ресурсу, необходимому для конкуренции (Tucker, 2019. Р. 689). В этом случае необоснованный отказ в доступе к ресурсу квалифицируется как злоупотребление доминирующим положением, что может повлечь обязанность владельца предоставить конкурентам доступ к нему, включая доступ к данным, на недискриминационных условиях (Graef et al., 2018. Р. 39). Судебной практикой (дело Броннера в ЕС¹⁴) выделены критерии, при совокупности которых у монополиста возникает такая обязанность: 1) незаменимость ресурса (у конкурентов отсутствуют сопоставимые альтернативные источники данных, а их самостоятельное получение невозможно либо сопряжено с несоразмерными техническими и финансовыми затратами); 2) отказ в доступе создает риск устранения эффективной конкуренции на рынке, где действует обладатель данных, или на смежном с ним; 3) отказ не имеет объективного оправдания (как техническая невозможность, угроза безопасности системы, риск нарушения требований о защите данных и пр.). В литературе выделяются дополнительные критерии, например, совместное использование ресурса (данных) несколькими участниками рынка не должно наносить существенный ущерб его владельцу, иначе требование к владельцу предоставить другим компаниям доступ к данным искажает стимулы к инвестированию в развитие цифровых сервисов (Коваленко, 2021. С. 24).

Отсутствие хотя бы одного из названных условий исключает обязанность предоставить доступ. Если же критерии выполнены и обязанность возникла, для монополиста разрабатываются специальные правила недискриминационного доступа, а их соблюдение контролируется (Коваленко, 2019. С. 31). Вместе с тем доктрина ключевых мощностей применяется при последующем контроле поведения объединенного доминирующего субъекта. При контроле концентрации предметом оценки является риск того, может ли объединение массивов данных привести к изменению структуры рынка, при котором данные станут барьером входа для конкурентов.

Чтобы оценить эффект от сделок экономической концентрации для конкуренции, антимонопольные органы применяют теории вреда – гипотезы о том, каким образом сделка может ухудшить конкуренцию (Duso et al., 2024). В правоприменительной практике оценка традиционно строится вокруг односторонних эффектов для конкуренции (т. е. способна ли объединенная компания после сделки оказывать конкурентное давление, например, повышать цены, ухудшать качество товаров или условия доступа потребителя к товарам – злоупотреблять своим доминированием), координированных эффектов (когда после сделки облегчается согласованное поведение между участниками из-за сокращения числа независимых игроков или устранения конкурента) либо рисков исключения конкурентов (т. е. может ли объединенная компания, получив контроль над важными активами, инфраструктурой, данными, усилить собственную рыночную власть и затруднить

¹⁴ Case C-7/97 Bronner [1998] ECR I-7791. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:61997CJ0007>

деятельность других участников рынка)¹⁵. Таким образом, оценка концентрируется на последствиях сделок для двух типов субъектов – компаний (включая конкурентов, контрагентов) и потребителей.

Вред зависит от типа сделки. Так, ОЭСР выделяет вред от горизонтальных сделок (совершаемых между прямыми конкурентами на одном товарном рынке). Например, вред наносят «убийственные приобретения» (*killer acquisitions*) – когда компания приобретает молодой инновационный бизнес на ранних стадиях его развития, устраняя угрозу будущей конкуренции (Afuware, 2025. Р. 318). Ущерб состоит в том, что компания, покупая инновационного конкурента, может закрыть его продукт, если он уже создает угрозу будущей конкуренции для существующих продуктов покупателя, либо взять перспективную инновацию или уникальный набор данных под контроль, чтобы развивать их внутри собственной экосистемы.

Примером такой сделки является покупка *Facebook*¹⁶ в 2013 г. компании *Onavo* – поставщика VPN-сервисов, который отслеживал онлайн-активность пользователей для рыночной аналитики и продавал данные другим компаниям. *Facebook*¹⁶ получила контроль над данными *Onavo* для отслеживания роста популярности других приложений, одновременно закрыв доступ к этим данным для потенциальных конкурентов через шесть дней после покупки. В итоге позднее *Facebook*¹⁶ использовала данные и технологии *Onavo* для приобретения *WhatsApp*¹⁶, а также быстрорастущего социального приложения для подростков *tbh* (проведение опросов) в 2017 г., которое за несколько месяцев набрало 2,5 млн активных пользователей в день и более 1 млрд ответов в опросах, став потенциальным конкурентом *Facebook*¹⁶ на рынке мобильных социальных сервисов для молодежи (это приложение *Facebook*¹⁶ закрыл в течение года).

Таким образом, вред для конкуренции между компаниями в цифровых сделках зачастую возникает из-за изменения структуры рынка: доминирующая платформа приобретает небольшую компанию, обладающую уникальными и трудно воспроизводимыми данными либо технологией их сбора, обработки или аналитики данных, получая конкурентное преимущество, а также контроль над перспективными источниками данных, закрывая конкурентам доступ к критически важной информации.

Помимо горизонтальных сделок, на рынке проводятся негоризонтальные сделки (между компаниями на смежных рынках), включая вертикальные слияния (между компаниями на разных уровнях цепочки поставок), а также конгломератные (компании не являются прямыми конкурентами, но работают на смежных рынках)¹⁷. Например, в 2023 г. Еврокомиссия запретила *Booking* (в ЕС компания оказывает услуги онлайн-бронирования средств размещения) приобрести *eTraveli* (услуги продажи авиабилетов)¹⁸. Комиссия посчитала, что компании работают на смежных рынках и приобретение *Booking* позволит использовать базу данных клиентов *eTraveli* по бронированию авиабилетов для продвижения своих услуг бронирования средств размещения, включая создание собственных туристических продуктов.

Другим примером может быть сделка между *Bayer* и *Monsanto* в 2016 г.¹⁹ в России. *Bayer* развивала цифровые решения для сельского хозяйства, включая обработку массивов данных о почвах, погоде, дистанционном зондировании земли и иных параметрах агропроизводства. *Monsanto* владела цифровой агроплатформой *FieldView* для консультирования фермеров по вопросам обработки почвы, управления посевами и выбора агротехнологий. При слиянии компании формировали не отдельные рынки семян, агрохимии и цифровых сервисов, а интегрированные агротехнологические экосистемы, предлагая фермерам комплексные решения: продавали семена, средства защиты растений, а также давали рекомендации в отношении семян и средств

¹⁵ OECD. (2023). Theories of harm for digital mergers: OECD Competition Policy Roundtable background note. DAF/COMP(2023)6. Paris: OECD Publishing. P. 12. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/05/theories-of-harm-for-digital-mergers_7bae0553/0099737e-en.pdf

¹⁶ Принадлежит компании Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией, запрещенной в Российской Федерации.

¹⁷ OECD. (2023). Theories of harm for digital mergers: OECD Competition Policy Roundtable background note. DAF/COMP(2023)6. Paris: OECD Publishing. P. 17. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/05/theories-of-harm-for-digital-mergers_7bae0553/0099737e-en.pdf

¹⁸ Official Journal of the European Union. (2024). Summary of Commission Decision of 25 September 2023 declaring a concentration incompatible with the internal market and the functioning of the EEA Agreement (Case M.10615 – BOOKING HOLDINGS / ETRAVELI GROUP). C/2024/3645. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C_202403645

¹⁹ ФАС. (2017, 15 ноября). Решение о продлении срока рассмотрения ходатайства. <https://fas.gov.ru/documents/591759>

для растений через цифровые сервисы, основанные на данных о погоде, почвах и урожайности (включая исторические данные по России).

При этом российские сельхозпроизводители находились в высокой зависимости от импортного семенного материала, а рынок цифровых агротехнологий в России только формировался (не было конкурентов), поэтому создание доминирующими компаниями такой замкнутой экосистемы, объединяющей сразу несколько товарных рынков, могло затруднять развитие российских инновационных проектов (альтернативных агросервисов, технологий селекции и агрохимии). ФАС оценивала последствия сделки не только через традиционные рыночные доли, но и через контроль над данными – генетической информацией, необходимой для ускоренной селекции, и историческими массивами агроданных, используемыми для консультирования сельхозпроизводителей.

В результате слияния *Bayer* и *Monsanto* происходила концентрация данных у одного участника рынка, уже обладающего значительными позициями в семеноводстве и агрохимии, что могло привести к усилению его рыночной власти на нескольких взаимосвязанных рынках (агроданных, торговли семенами, продуктов агрохимии и цифровых агроплатформ), создавая труднопреодолимые барьеры входа для конкурирующих российских компаний, которые не обладают такими массивами данных. ФАС согласовала сделку *Bayer* и *Monsanto*, обязав предоставить российским компаниям доступ к массивам агроданных (о почве, климате и пр.), используемым для построения прогнозных моделей цифровых агроплатформ, а также банкам генетической информации, данным для создания новых сортов и гибридов и пр.

Таким образом, ущерб от негоризонтальных сделок в цифровой среде проявляется не только в усилении позиции компании на отдельном товарном рынке, но и в формировании в результате сделки замкнутой цифровой экосистемы, где данные, технологии, товары (в том числе на смежных рынках) объединены в единый «пакет» сервисов для пользователей, и компания может переносить свою рыночную власть с одного рынка на смежные. В итоге существующие на смежных рынках либо новые компании вынуждены конкурировать уже не на отдельном рынке, а с целой интегрированной экосистемой сервисов и данных, что повышает барьеры входа и ограничивает конкуренцию.

Контроль над уникальным ресурсом может создавать не только риск переноса рыночной власти на смежные рынки за счет связывания товаров, формирования цифровых экосистем, но и риск ограничения доступа конкурентов к ресурсу (Motta, 2004). Поэтому ОЭСР выделяет специальные теории вреда, связанные с ограничением доступа к данным, характерные как для горизонтальных, так и для негоризонтальных сделок²⁰. Такое ограничение может быть абсолютным, когда конкуренты не способны получить доступ к значимым (данные уникальны, невозпроизводимы, отсутствуют другие источники для их получения) либо относительным данным, когда они доступны, однако конкуренты не могут извлечь из них сопоставимую экономическую ценность, поскольку после сделки объединенная компания получает возможность комбинировать их со своими массивами данных, технологиями и цифровой инфраструктурой, формируя преимущество, которое другим участникам рынка трудно воспроизвести.

Данные являются неконкурентным благом: одна и та же информация может использоваться множеством субъектов многократно, не теряя ценности (Леваков, Павлова, 2024. С. 77). Однако данное свойство реализуется лишь при наличии доступа к данным: если в результате сделки такой доступ ограничивается и конкуренты лишаются ресурса, который мог бы использоваться всеми участниками рынка, эти действия образуют вред конкуренции.

В этом контексте, в частности, дело слияния *Bayer* и *Monsanto* можно рассматривать как пример превентивного подхода ФАС России к оценке рисков ограничения доступа к данным. Так, историческими данными обладают компании, которые присутствовали на рынке в момент их формирования: новые участники воспроизвести такие данные не могут, что позволяет владельцам ограничивать к ним доступ (Radinsky, 2015). Поэтому, одобряя сделку, ФАС потребовала от *Bayer* и *Monsanto* делиться данными, как историческими, так и теми, которые будут собираться после коммерциализации программных продуктов в России, пытаясь избежать абсолютного ограничения доступа российских компаний к таким массивам.

²⁰ OECD. (2023). Theories of harm for digital mergers: OECD Competition Policy Roundtable background note. DAF/COMP(2023)6. Paris: OECD Publishing. P. 21. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/05/theories-of-harm-for-digital-mergers_7bae0553/0099737e-en.pdf

Тем не менее риск относительного ограничения доступа все же сохранился: российские компании получили данные всего на пять лет. Кроме того, *Bayer* и *Monsanto*, помимо данных, имеют значительные технологии для их обработки, аналитики, формирования рекомендаций фермерам (причем действуя сразу на нескольких смежных рынках). И если российские компании не обладают сопоставимым уровнем технологий для обработки и аналитики полученных данных, это снижает возможности для извлечения экономической выгоды, создавая разрыв в эффективности использования таких данных российскими компаниями.

Если говорить о вреде для потребителей (пользователей), то традиционно вред от сделок экономической концентрации связан с ухудшением качества товара, изменением цен, условий доступа к продуктам и пр. (Esayas, 2018. Р. 185). Например, за счет анализа данных могут предоставляться персональные цены, основанные на готовности потребителя платить (Shiller, 2016. Р. 5; Шаститко и др., 2020. С. 6), хотя в России ценовая дискриминация запрещена для субъектов, занимающих доминирующее положение (п. 6 ч. 1 ст. 10 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»²¹).

Однако если говорить о потребителях как субъектах персональных данных, можно выделить вред, связанный с нарушением приватности, например, ограничение возможности потребителей контролировать свои данные, принимать информированные решения об их использовании и пр. (Graef et al., 2018. Р. 213; Grunes & Stucke, 2016. Р. 61). Снижение уровня защиты данных является неценовым вредом аналогично ухудшению качества товара (Lynskey, 2018. Р. 3). Однако сегодня антимонопольные органы практически не имеют практики отказа в согласовании сделок концентрации на основании необходимости защиты прав пользователей в части контроля и управления их персональными данными (Colangelo, 2024. Р. 20). Также регуляторы не занимаются установлением связи между рыночной властью объединяющихся компаний и уровнем предоставляемой ими защиты данных.

Хотя необходимость защиты данных учитывается антимонопольными органами, например, ФАС России в 2022 г. одобрила сделку VK о покупке у «Яндекса» новостного агрегатора «Новости» и платформы «Дзен» при условии, что VK в предусмотренных законом случаях будет запрашивать и получать согласие пользователей на обработку персональных данных для каждого сервиса в отдельности²².

Другой кейс – покупка компанией *Google* производителя фитнес-трекеров *Fitbit*²³. Комиссия ЕС рассматривала риск объединения пользовательских данных *Fitbit* (о физической активности, сне, пульсе и пр.) с данными *Google* для усиления его позиций на рынках онлайн-рекламы и цифрового здравоохранения. Комиссия разрешила сделку при условии, что *Google* не будет использовать данные *Fitbit* в рекламных целях в течение 10 лет и будет хранить их в хранилище, отделенном от любых данных *Google*, используемых для рекламы²⁴.

Таким образом, конкурентный вред цифровых сделок все чаще связан не только с перераспределением рыночных долей, но и с концентрацией данных как самостоятельного источника рыночной власти.

Новые критерии уведомления антимонопольных органов о сделках экономической концентрации на цифровых рынках

Вопрос оценки накапливаемых массивов данных в сделках экономической концентрации возник задолго до появления крупных цифровых платформ. Например, в 1971 г. в США рассматривался спор между *Credit Bureau Reports (CBR)* и *Retail Credit Company (RCC)*²⁵. *CBR* оказывала посреднические услуги для крупных

²¹ О защите конкуренции. № 135-ФЗ от 26.07.2006 (ред. от 08.03.2026, с изм. от 29.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026). Ст. 10. Запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/851f7a5f6d99da11639600f4c686a2949ab23feb/

²² ФАС. (2022). ФАС выдвинула ряд условий по сделке об обмене активами между VK и «Яндексом». <https://fas.gov.ru/publications/23792>

²³ European Commission. (2020, December 17). Commission decision of 17.12/2020 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA agreement (Case M.9660 – GOOGLE/FITBIT). https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases1/202120/m9660_3314_3.pdf

²⁴ EU. (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance). <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng>

²⁵ Southern District of Texas. (1971). Credit Bureau Reports, Inc. v. Retail Credit Co., 358 F. Supp. 780. <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/358/780/1412417/>

кредиторов (на федеральном уровне): через сеть из более чем 2 000 локальных (на уровне штатов) кредитных бюро собирала кредитные отчеты о заемщиках по всей стране. *RCC* занимала доминирующее положение на смежном рынке страховой отчетности, однако стала активно приобретать локальные кредитные бюро (более 100 за пять лет), чтобы расширить деятельность на рынке кредитной отчетности. При этом приобретенным *RCC* бюро запрещалось предоставлять отчеты для *CBR*, что ограничивало доступ *CBR* к отчетности в некоторых регионах. Суд признал, что приобретение *RCC* локальных бюро ограничивало конкуренцию, поскольку *RCC* получала контроль над источниками кредитной информации, ограничивая доступ *CBR* к данным и географическим сегментам рынка. Таким образом, еще до развития цифровых рынков данные выступали инструментом рыночной власти: если в результате слияния один участник получает контроль над уникальными источниками данных и ограничивает к ним доступ конкурентов, такая сделка ослабляет конкуренцию, лишая конкурентов инструмента для оказания сопоставимых услуг. И спустя пять лет, в 1976 г., в США впервые в мире появилось правило предварительного (*ex ante*) согласования экономической концентрации с антимонопольными органами (Закон Харта – Скотта – Родино)²⁶.

Как ранее отмечалось, при одобрении сделок экономической концентрации антимонопольные органы учитывают ряд количественных критериев (таких как выручка, размер и стоимость активов, доли на товарном рынке и пр.). Такие показатели не всегда отражают реальное конкурентное значение сделки, особенно когда приобретаемая компания обладает незначительной выручкой (не достигает порога, при котором требуется согласование сделки антимонопольным органом), но контролирует ценные данные, технологии, алгоритмы, пользовательскую базу и пр.

Поэтому многие юрисдикции стали дополнять правила уведомления о сделках экономической концентрации новыми критериями, позволяющими выявлять сделки, которые формально не достигают традиционных финансовых порогов, но могут оказывать значимое влияние на конкуренцию. Такие критерии могут быть как количественными, например, стоимость сделки (когда обязанность уведомления возникает не из-за оборота приобретаемой компании, а из-за высокой цены ее приобретения), так и качественными (наличие «значимой деятельности», в том числе связанной со сбором и обработкой данных).

Одной из первых стран, которая в 2017 г. ввела дополнительные «качественные» критерии, стала Германия. Изначально предварительное уведомление о сделке подавалось, если оборот одного участвующего в сделке предприятия превышал 50 млн евро, а другого – 17,5 млн евро²⁷. По новым правилам контроль концентрации также проводится, если оборот одного предприятия составляет не менее 50 млн евро, а оборот приобретаемого предприятия – менее 17,5 млн евро, при этом стоимость сделки – более 400 млн евро, а предприятие осуществляет «существенную» (*substantial*) деятельность в Германии. То есть введен новый пороговый уровень стоимости сделки, который позволяет выявлять случаи приобретения крупными компаниями молодых, инновационных компаний с низким объемом продаж на внутреннем рынке (менее 17,5 млн евро), но высоким экономическим потенциалом (как мера борьбы с убийственными приобретениями).

Однако наиболее интересным критерием в данном случае является качественный критерий «существенной» деятельности. Рассмотрим дело о приобретении компанией *Meta*²⁸ поставщика *SaaS*-решений для управления отношениями с клиентами *Kustomer*. *Kustomer* является компанией из США и обрабатывает большие объемы данных о немецких потребителях. В 2021 г. Федеральное ведомство по картелям Германии обратилось в суд в связи с тем, что *Meta*²⁸ не уведомила Ведомство о концентрации. Компания обосновала это тем, что *Kustomer* не осуществляла «существенную» деятельность в Германии: данные немецких пользователей хоть и собирались в Германии, но хранились на серверах за рубежом. Также сделка не превышала порог контроля концентрации, так как *Kustomer* обслуживала небольшое количество немецких корпоративных клиентов и имела небольшую выручку в Германии. Однако Кассационный суд решил, что оценка оборота компаний в данном случае не применима, конкурентный потенциал создает именно обработка данных потребителей из Германии: получив данные *Kustomer*, *Meta*²⁸ может усилить свою позицию на рынке рекламы. И даже если

²⁶ FTC. (2015). Milestones in FTC history: HSR Act launches effective premerger review. <https://www.ftc.gov/enforcement/competition-matters/2015/03/milestones-ftc-history-hsr-act-launches-effective-premerger-review>

²⁷ Competition Act (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen). Section 35. https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gwb/englisch_gwb.html

²⁸ Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

на данный момент в договорах об обработке данных с пользователями *Kustomer* отсутствует право *Meta*²⁸ использовать данные в рекламе, это может произойти уже после слияния. Не будет иметь значения, приносит ли сама обработка данных отдельную выручку и обрабатываются ли данные независимо от основной услуги *Kustomer*, но возможный доступ *Meta*²⁸ к данным уже потенциально повлияет на рыночную позицию объединенной компании.

Кроме того, пример показывает, как определять географические границы рынка через регулирование обращения данных. Различия в требованиях к сбору, хранению, обработке и трансграничной передаче данных могут ограничивать возможность предоставления цифровых услуг на территории отдельных государств и тем самым формировать самостоятельные географические границы рынка (Szczepanik et al., 2020. P. 57).

Аналогично опыту Германии ряд стран Европы (такие как Австрия, Великобритания, Франция и пр.) также внедрили дополнительные критерии для цифровых концентраций. Интересен пример Великобритании. Изначально при согласовании концентрации использовался «тест на оборот» (сделка может проверяться антимонопольным органом, если приобретаемая компания имеет оборот в Великобритании не менее 100 млн фунтов стерлингов) либо «тест доли поставок» (если объединяющиеся компании совокупно занимают не менее 25 % поставок определенного товара и слияние увеличивает эту долю)²⁹. С 2025 г. появился «гибридный тест» – если одна из сторон сделки обеспечивает не менее 33 % поставок определенного товара и имеет годовой оборот более 350 млн фунтов стерлингов, а другая сторона имеет «связь» с Великобританией (например, зарегистрирована или поставляет в Великобританию товары или услуги)³⁰. То есть если одна сторона является доминирующей или крупной компанией (в том числе международной), то вторая сторона сделки (которую приобретают) может иметь любой, даже самый минимальный, оборот (показатель по обороту или доле на рынке не установлен). Значение имеют не финансовые показатели, а сам факт ее приобретения сильным рыночным игроком и возможные последствия такой сделки для конкуренции. При этом в таких слияниях Управление по конкуренции и рынкам Великобритании оценивает передачу бизнес-данных (включая базы данных клиентов, списки клиентов и пр.)³¹.

Таким образом, можно наблюдать смещение важности с количественных порогов (как оборот, выручка, стоимость сделки) приобретаемой компании на оценку ее нематериальных активов. В контроль концентраций фактически встраиваются гибкие качественные критерии – любые факторы, формирующие будущую рыночную власть, даже если они не отражаются в финансовых или экономических показателях приобретаемой компании. Это может быть доступ к массивам данных пользователей, доступ к пользовательской базе, приобретение перспективных технологий, программ и пр.

Можно сказать, что опыт стран Европы достаточно уникален. Например, в США установлены пока только финансовые критерии³², дополнительные качественные критерии не введены, хотя предлагались законопроекты против убийственных приобретений, например, проект Закона о конкуренции и возможностях для платформ 2021 г., который предусматривал оценку влияния данных на рыночную власть при анализе сделки. Хотя нормы пока не были приняты, если сделка попала под надзор регулятора, то в соответствии с Руководством по слияниям³³ приобретения крупными цифровыми компаниями владельцев ключевых ресурсов, включая значимые данные, которые позволят усилить рыночную власть, в том числе за счет риска ограничения доступа к этим данным конкурентов, все равно оцениваются.

²⁹ CMA. (2025, July 23). Guidance “Mergers: how they are investigated”. <https://www.gov.uk/government/publications/mergers-how-they-are-investigated/mergers-how-they-are-investigated>

³⁰ UK Public General Acts. (2002). Enterprise Act. Section 23. <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/40/section/23>

³¹ CMA. (2025). Mergers: Guidance on the CMA’s jurisdiction and procedure. https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6970f2c7011505255b2d430d/mergers_guidance_cma_jurisdiction_procedure_1.pdf

³² Так, требуется согласовывать с Федеральной торговой комиссией США крупные сделки от 535,5 млн долл. США (порог на 2026 г.); а также «средние» сделки, в которых стоимость приобретаемых активов составляет от 133,9 до 535,5 млн долл. США, при этом одна сторона сделки имеет активы или годовые продажи не менее 100 млн долл., а другая – не менее 10 млн долл. 15 U.S.C. § 18a - U.S. Code - Unannotated Title 15. Commerce and Trade § 18a. Premerger notification and waiting period. (2024, January 1). FindLaw. <https://codes.findlaw.com/us/title-15-commerce-and-trade/15-usc-sect-18a/>

³³ Antitrust Division U.S. Department of Justice. (2023). Merger Guidelines. <https://www.justice.gov/atr/merger-guidelines/applying-merger-guidelines>

Можно наблюдать разницу подходов: ЕС пытается контролировать поглощения, особенно крупных платформ (гейткиперов по Закону о цифровых рынках), тогда как США пока отказываются от введения строгого регулирования монополий. Во многом такая позиция США может быть связана с тем, что подавляющее большинство спорных «убийственных поглощений» в цифровой сфере совершают американские гиганты, такие как *Google, Apple, Facebook*³⁴, *Amazon* и *Microsoft* (были признаны гейткиперами в ЕС). Одновременно перечисленные компании долгое время вели активную политику поглощения небольших компаний в ЕС и во всем мире, что позволило им достичь масштабной рыночной власти: с 2000 г. компании приобрели почти 700 небольших, перспективных компаний по всему миру, однако только о 19 сделках поглощения была уведомлена Еврокомиссия (Mariniello, 2025. Р. 1). В итоге страны Европы пытаются защитить свои небольшие инновационные компании от захвата американскими монополистами, в том числе через критерий защиты данных в сделках экономической концентрации.

Среди дружественных стран также не используются качественные критерии в требованиях согласования сделок. Например, в Китае пока действуют традиционные количественные пороги по обороту компаний, однако закреплено право антимонопольного органа проверять сделки, которые не достигают установленных порогов, но способны потенциально ограничить конкуренцию³⁵, включая сделки по приобретению молодых или быстро развивающихся компаний, по выходу на рынки услуг, предоставляемых по низким или нулевым ценам (как социальные сети) и пр.

В России одобрению ФАС подлежат сделки, если суммарная стоимость активов компаний превышает 7 млрд руб. либо суммарная выручка превышает 10 млрд руб. (ст. 27 ФЗ «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ³⁶). С 2023 г. введен дополнительный критерий: согласования требуют сделки стоимостью выше 7 млрд руб. (Пятый антимонопольный пакет, 2023 г.), какие-либо качественные критерии пока не установлены.

Для российского рынка интересен кейс платформы «Яндекс.Такси», которая в 2019 г. попыталась купить агрегатор такси «Везет» и его сервисы (*Fasten*, «Лидер», *RedTaxi*, службу грузоперевозок «Везет Добро» и пр.), однако получила отказ ФАС в согласовании сделки, так как тогда бы доля компании на рынке достигла 70 %³⁷. А в 2021 г. сделка была реформатирована: «Яндекс» купила не всю группу «Везет», а только колл-центры и сервис заказа грузоперевозок. ФАС не смогла фактически заблокировать сделку, так как стоимость активов приобретаемых компаний составляла менее 400 млн руб. Одновременно общая стоимость сделки оценивалась более чем в 13 млрд руб. На тот момент Пятый антимонопольный пакет еще не был принят, поэтому критерий стоимости сделки свыше 7 млрд руб. для цифровых рынков еще не применялся. В результате после изменения структуры сделки «Яндекс» смогла приобрести значимые активы конкурента без обязательного предварительного согласования с ФАС.

При этом еще в 2017 г. ФАС одобрила сделку о покупке ООО «Яндекс.Такси» компании *Uber*. На тот момент объединенные компании совершали более 35 млн поездок в месяц, а их годовой рост составлял более 400 %³⁸. При одобрении сделки ФАС потребовала в течение полугода предоставлять пользователям данные об истории заказов (о последних 30 поездках)³⁹. То есть ФАС попыталась связать конкуренцию на цифровом рынке с контролем над пользовательскими данными и их переносимостью между сервисами.

Как отмечала ФАС в 2018 г., на тот момент сервисы на рынке агрегаторов такси только развивались, помимо «Яндекс» и *Uber*, были запущены *Gett*, *Fasten* («Везет») и пр., а административные барьеры для выхода на

³⁴ Принадлежит компании Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации.

³⁵ Приказ Государственного совета Китайской Народной Республики № 773. Положения Государственного совета о стандартах централизованного декларирования операторов были пересмотрены и приняты на 22-м Исполнительном заседании Государственного совета 29 декабря 2023 года. https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202401/content_6928388.htm

³⁶ О защите конкуренции. № 135-ФЗ от 26.07.2006 (ред. от 08.03.2026, с изм. от 29.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026). Ст. 27. Создание и реорганизация коммерческих организаций, заключение соглашений между хозяйствующими субъектами-конкурентами о совместной деятельности с предварительного согласия антимонопольного органа. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/d4e9d68787aaa2cc9af52e9da917609211338de6/

³⁷ ФАС. (2020). Яндекс отказали в покупке агрегатора такси «Везет». <https://fas.gov.ru/publications/21100>

³⁸ «Яндекс» и «Uber» объединят свои сервисы совместных поездок в России и соседних странах. (2017, July 13). Яндекс. <https://yandex.com/company/news/2017-0713>

³⁹ Предписание ФАС (Яндекс). (2017). <https://fas.gov.ru/documents/594339>

этот продуктовый рынок для новых участников были невелики (требовались значительные инвестиции, но с небольшими сроками окупаемости)⁴⁰. Хотя доминирующих компаний еще не было, однако у «Яндекса», *Uber* и *Fasten* уже были признаки будущего доминирования, а также агрессивного поведения (например, практика субсидирования стоимости поездок), что приводило к переманиванию клиентов и быстрому наращиванию пользовательской базы, а также одновременно накоплению массивов данных, необходимых для работы алгоритмов платформы. ФАС отмечала, что данные о спросе, загруженности дорог, поведении пользователей, географии поездок, времени ожидания, количестве свободных автомобилей и цене фактически формировали рекомендации таксопаркам по ценообразованию и повышали эффективность распределения заказов⁴¹. В итоге спустя всего 3–4 года «Яндекс.Такси» заняла 40 % рынка такси и 67 % рынка агрегаторов такси (на 2021 г.)⁴².

Таким образом, будущая рыночная власть формируется не только за счет текущей доли компании, но и за счет объединения данных, пользователей и алгоритмической инфраструктуры. Стоит также отметить, что концентрация может происходить, если одна компания получает контроль над важными активами другой компании, в том числе «нематериальными», если стоимость таких активов составляет более 20 % (п. 7 ст. 28 № 135-ФЗ⁴³). То есть происходит не объединение компаний, а только покупка актива. При этом к таким нематериальным активам относятся и базы данных. Так, например, в 2019 г. ФАС оштрафовала *HeadHunter* за покупку у «Пронто Медиа Холдинг» исключительных прав на базы данных работодателей и соискателей, а также прав на несколько товарных знаков и на администрирование доменного имени⁴⁴. *HeadHunter* не уведомила ФАС, посчитав, что балансовая стоимость перечисленных нематериальных активов была менее 20 % от балансовой стоимости всех активов «Пронто Медиа Холдинг» (стоимость активов рассчитывается на основе бухгалтерской отчетности). Верховный Суд РФ определил право ФАС доказывать, что бухгалтерские сведения неполны или не отражают реальную балансовую стоимость переданных активов⁴⁵. В итоге ФАС пересчитала стоимость активов и сделала вывод о превышении 20%-го порога.

Исходя из этого решения, возникает вопрос, а как ФАС может оценивать данные, которые передают компании в сделках экономической концентрации на цифровых рынках: как с точки зрения их стоимости, в том числе для целей бухгалтерского учета, так и с точки зрения их влияния на рынок, включая возможности приобретения конкурентами на рынке аналогичных данных, актуальность (включая постоянное обновление данных и пр.), объемы объединяемых, передаваемых данных, повышение экономической ценности приобретенных данных при их объединении с уже существующими данными и пр.

Таким образом, опыт юрисдикций показывает тенденцию к переходу в процессе контроля за сделками экономической концентрации цифровых компаний от оценки формальных финансовых порогов к новым факторам конкурентного преимущества, которые формируют рыночную власть и специфичны для цифровых рынков, как контроль над данными, пользователями и инновационными возможностями, что позволяет улучшить работу алгоритмов, осуществлять персонализацию, выходить на смежные рынки и пр., еще больше усиливая власть. Стоимость данных может быть трудно определить (что показывает кейс ФАС в отношении *HeadHunter*), однако важно оценивать качественные характеристики данных: насколько они уникальны, актуальны и воспроизводимы (можно ли их взять из других источников), могут ли конкуренты получить сопоставимые данные, какую ценность приобретают данные при их слиянии с массивами других данных и пр.

⁴⁰ OECD. (2018). Directorate for financial and enterprise affairs competition committee. Working Party No. 2 on Competition and Regulation. Taxi, ride-sourcing and ride-sharing services – Note by the Russian Federation. [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/ WP2/WD\(2018\)20/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/ WP2/WD(2018)20/en/pdf)

⁴¹ Там же.

⁴² Аналитики оценили стоимость выхода иностранцев на российский рынок такси. (2021, 29 сентября). Forbes. <https://www.forbes.ru/biznes/441427-analitiki-ocenili-stoimost-vyhoda-inostrancev-na-rossijskij-rynok-taksi>

⁴³ О защите конкуренции. № 135-ФЗ от 26.07.2006 (ред. от 08.03.2026, с изм. от 29.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026). Ст. 28. Сделки с акциями (долями), имуществом коммерческих организаций, правами в отношении коммерческих организаций с предварительного согласия антимонопольного органа. КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/4a4e6ea6b5e539634e86cdac45b31ca347b3669e/

⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.05.2021 № Ф05-22174/2019 по делу № А40-45414/2019-79-350.

⁴⁵ Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-4034 по делу № А40-45414/2019.

Можно предложить следующие случаи, когда обращение данных должно включаться в предмет анти-монопольной оценки сделки:

1) бизнес-модель хотя бы одной из сторон основана на сборе, обработке или монетизации данных либо данные являются значительным нематериальным активом (это можно измерить через разрыв между ценой сделки и финансовыми показателями приобретаемой компании, например, высокая цена сделки, но низкая выручка у приобретаемой компании);

2) данные могут быть ключевым ресурсом на рынке, т. е. без доступа к ним другие участники рынка не могут вести деятельность (например, настроить работу алгоритмов, точность рекомендаций и пр.) или обеспечить конкурентоспособное качество товаров, при этом отсутствуют или ограничены возможности получить аналогичные данные из альтернативных источников;

3) в результате сделки происходит объединение массивов данных сторон, а их использование в работе алгоритмов и цифровой инфраструктуры приобретателя создает прирост экономической ценности по сравнению с раздельным использованием данных.

При выполнении этих критериев антимонопольный орган должен оценивать такие качественные характеристики данных, как уникальность, актуальность, скорость обновления, воспроизводимость, наличие сопоставимых альтернативных источников и пр., независимо от того, отражена ли стоимость данных в бухгалтерской отчетности и достигает ли сделка традиционных финансовых порогов.

Отказ в согласовании сделки возможен при совокупности следующих условий:

1) данные незаменимы, т. е. объединяемые массивы уникальны, сопоставимые альтернативные источники отсутствуют, а самостоятельное накопление аналогичных данных невозможно либо влечет затраты времени и ресурсов;

2) сделка создает или укрепляет доминирующее положение либо устраняет фактического или потенциального конкурента, при этом усиление рыночной власти достигается именно за счет концентрации данных;

3) объединенная компания получает возможность и стимулы ограничивать доступ конкурентов к данным либо переносить рыночную власть на смежные рынки через формирование замкнутой цифровой экосистемы.

И если выявленные риски не могут быть устранены предписаниями антимонопольного органа, например, обязанностью предоставлять конкурентам доступ к данным, раздельным хранением массивов, запретом использования данных в отдельных целях или на отдельных рынках (прежде всего рекламном), получением отдельных согласий пользователей, либо исполнение таких предписаний не поддается контролю, в таком случае представляется допустимым отказ антимонопольного органа в согласовании сделки.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что на цифровых рынках данные превратились из вспомогательного ресурса в самостоятельный фактор рыночной власти, а традиционные количественные критерии контроля концентраций (оборот, стоимость активов, рыночные доли) не всегда отражают реальное конкурентное значение сделки. Зарубежная практика (Германия, Великобритания и др.) демонстрирует переход к «качественным» критериям оценки концентраций (в России пока не установлены). По итогам статьи предлагается включать обращение данных в предмет антимонопольной оценки сделки при наличии хотя бы одного из следующих признаков:

– бизнес-модель стороны сделки основана на сборе, обработке или монетизации данных либо данные составляют значительный нематериальный актив;

– данные выступают ключевым ресурсом для рынка (в том числе для конкурентов или на смежных рынках) при отсутствии сопоставимых альтернативных источников;

– в результате сделки объединение массивов данных сторон создает прирост экономической ценности по сравнению с их раздельным использованием.

В этих случаях следует оценивать не только стоимость данных, но и такие их качественные характеристики, как уникальность, актуальность, скорость обновления, воспроизводимость, наличие альтернативных источников, независимо от отражения данных в бухгалтерской отчетности и достижения сделкой традиционных финансовых порогов по сделке.

Отказ в согласовании сделки представляется обоснованным при совокупности трех условий: незаменимости объединяемых данных для деятельности других хозяйствующих субъектов; создания или укрепления доминирующего положения (либо устранения фактического или потенциального конкурента) именно за счет концентрации данных, а также появления у объединенной компании возможности и стимулов ограничивать доступ конкурентов к данным или переносить рыночную власть на смежные рынки через замкнутую цифровую экосистему. При этом отказ должен применяться как крайняя мера – когда выявленные риски не могут быть устранены предписаниями (доступ конкурентов к данным, раздельное хранение массивов, запрет использования данных в отдельных целях или на отдельных рынках, получение отдельных согласий пользователей) либо исполнение таких предписаний не поддается контролю.

Список литературы

- Грич, М. Г., Левашенко, А. Д. (2025). Злоупотребление доминирующим положением платформ за счет данных: опыт зарубежных стран. *Современная конкуренция*, 19(6), 24–37. EDN: LWJTAK. DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-6-24-37
- Голованова, С. В., Корнеева, Д. В., Заяц, С. А. (2023). Новые правила для конкурентной политики в отношении цифровых платформ: сравнительный анализ (Россия, США, Китай, ЕС). *Общественные науки и современность*, 5, 73–86. EDN: MQGZZE. DOI: 10.31857/S0869049923050064
- Коваленко, А. И. (2019). Многосторонние платформы и концепция ключевых мощностей. *Современная конкуренция*, 3(75), 26–34. EDN: RWBCZJ
- Коваленко, А. И. (2021). Большие данные как ключевые мощности в антимонопольном регулировании цифровых рынков. *Современная конкуренция*, 2(82). EDN: LDJNEF. DOI: 10.37791/2687-0657-2021-15-2-19-28
- Леваков, П. А., Павлова, Н. С. (2024). Большие данные как источник рыночной власти цифровых платформ. *Общественные науки и современность*, 1, 74–91. EDN: RRSSEO. DOI: 10.31857/S0869049924010066
- Шаститко, А. Е., Маркова, О. А., Мелешкина, А. И., Морозов, А. Н. (2020). Ценообразование на основе больших данных: предметное поле проблемы. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 6, 3–22. EDN: MERWZL. DOI: 10.38050/01300105202061
- Ючинсон, К. С. (2017). Большие данные и законодательство о конкуренции. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 1, 216–245. EDN: YGWGYR. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.216.245
- Afuwape, K. (2025). Regulatory Barriers in Digital Mergers and Acquisitions: Antitrust Regulation of Technology Sector. *Journal of Digital Technologies and Law*, 3(2), 304–337. EDN: NZBQNM. DOI: 10.21202/jdtl.2025.13
- Argentesi, E., Buccirosi, P., Calvano, E., Duso, T., Marrazzo, A., & Nava, S. (2019). Ex-post assessment of merger control decisions in digital markets: Final report. *Lear for the Competition and Markets Authority*.
- Calvano, E., & Polo, M. (2019). Market Power, Competition and Innovation in Digital Markets: A Survey. *Information Economics and Policy, Forthcoming*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3523611>
- Colangelo, G. (2024). The Privacy-Antitrust Curse: Insights from GDPR Application in EU Competition Law. *International Center for Law & Economics*.
- Dacar, R. (2023). The essential facilities doctrine, intellectual property rights, and access to big data. *IIC: International Review of Intellectual Property and Competition Law*, 54, 1487–1507. EDN: UWRNQS. DOI: 10.1007/s40319-023-01396-7
- Duso, T., Bernhardt, L., & Piechucka, J. (2024). The evolution of theories of harm in EU merger control. *CESifo Working Paper*, 11218.
- Esayas, S. (2018). Competition in (Data) Privacy: ‘Zero’ Price Markets, Market Power and the Role of Competition Law. *International Data Privacy Law*, 8(3), 181–199.
- Fast, V., Schnurr, D., & Wohlfarth, M. (2023). Regulation of data-driven market power in the digital economy: Business value creation and competitive advantages from big data. *Journal of Information Technology*, 38(2), 202–229. EDN: FVNCBL. DOI: 10.1177/02683962221114394
- Graef, I., Clifford, D., & Valcke, P. (2018). Fairness and enforcement: Bridging competition, data protection, and consumer law. *International Data Privacy Law*, 8(3), 200–223. <https://doi.org/10.1093/idpl/ipy013>
- Grunes, A. P., & Stucke, M. E. (2016). *Big data and competition policy*. Oxford University Press.
- Jenny, F. (2021). Competition law and digital ecosystems: Learning to walk before we run. *Industrial and Corporate Change*, 30(5), 1143–1167. EDN: JFLFNZ. DOI: 10.1093/icc/dtab047
- Lynskey, O. (2018). *Non-price effects of mergers: Note*. Paris: OECD Publishing.
- Mariniello, M. (2025). *Reinforcing EU merger control against the risks of acquisitions by big tech: Policy Brief*, 11/2025. Brussels: Bruegel.
- Martens, B. (2020). Data access, consumer interests and social welfare: An economic perspective. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3605383>

- Motta, M. (2004). *Competition policy: Theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511804038>
- Prüfer, J., & Schottmüller, C. (2017). Competing with big data. *TILEC Discussion Paper, 2017-006*. Tilburg: Tilburg Law and Economics Center. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2918726>
- Radinsky, K. (2015, March 2). Data monopolists like Google are threatening the economy. *Harvard Business Review*.
- Shiller, B. R. (2016). *Personalized price discrimination using big data: Brandeis University Working Paper, 108*. Waltham: Brandeis University, Department of Economics and International Business School.
- Stucke, M. (2018). Should we be concerned about data-opolies? *Georgetown Law Technology Review, 2*, 275–324 (2018), *University of Tennessee Legal Studies Research Paper, 349*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3144045>
- Stucke, M., & Ezrachi, A. (2016). *Virtual competition: The promise and perils of the algorithm-driven economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Szczepanik, P., Zahrádka, P., Macek, J., & Stepan, P. (2020). Digital peripheries: The online circulation of audiovisual content from the small market perspective. *Springer International Publishing*. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-44850-9>
- Tucker, C. E. (2019). Digital data, platforms and the usual [antitrust] suspects: Network effects, switching costs, essential facility. *Review of Industrial Organization, 54*(4), 683–694. EDN: LXJUOL. DOI: 10.1007/s11151-019-09693-7

References

- Afuwape, K. (2025). Regulatory Barriers in Digital Mergers and Acquisitions: Antitrust Regulation of Technology Sector. *Journal of Digital Technologies and Law, 3*(2), 304–337. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.13>
- Argentesi, E., Buccirosi, P., Calvano, E., Duso, T., Marrazzo, A., & Nava, S. (2019). Ex-post assessment of merger control decisions in digital markets: Final report. *Lear for the Competition and Markets Authority*.
- Calvano, E., & Polo, M. (2019). Market Power, Competition and Innovation in Digital Markets: A Survey. *Information Economics and Policy, Forthcoming*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3523611>
- Colangelo, G. (2024). The Privacy-Antitrust Curse: Insights from GDPR Application in EU Competition Law. *International Center for Law & Economics*.
- Dacar, R. (2023). The essential facilities doctrine, intellectual property rights, and access to big data. *IIC: International Review of Intellectual Property and Competition Law, 54*, 1487–1507. <https://doi.org/10.1007/s40319-023-01396-7>
- Duso, T., Bernhardt, L., & Piechucka, J. (2024). The evolution of theories of harm in EU merger control. *CESifo Working Paper, 11218*.
- Esayas, S. (2018). Competition in (Data) Privacy: ‘Zero’ Price Markets, Market Power and the Role of Competition Law. *International Data Privacy Law, 8*(3), 181–199.
- Fast, V., Schnurr, D., & Wohlfarth, M. (2023). Regulation of data-driven market power in the digital economy: Business value creation and competitive advantages from big data. *Journal of Information Technology, 38*(2), 202–229. <https://doi.org/10.1177/02683962221114394>
- Girich, M. G., & Levashenko, A. D. (2025). Abuse of dominant position by platforms through data: international experience. *Journal of Modern Competition, 19*(6), 24–37. <https://doi.org/10.37791/2687-0657-2025-19-6-24-37>
- Golovanova, S. V., Korneeva, D. V., & Zayats, S. A. (2023). New guidelines for digital platform competition policy: a comparative analysis (Russia, USA, China, EU). *Social Sciences and Contemporary World, 5*, 73–86. <https://doi.org/10.31857/s0869049923050064>
- Graef, I., Clifford, D., & Valcke, P. (2018). Fairness and enforcement: Bridging competition, data protection, and consumer law. *International Data Privacy Law, 8*(3), 200–223. <https://doi.org/10.1093/idpl/ipy013>
- Grunes, A. P., & Stucke, M. E. (2016). *Big data and competition policy*. Oxford University Press.
- Hutchinson, Ch. S. (2017). Big data and legislation on competition. *Law. Journal of the Higher School of Economics, 1*, 216–245. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.1.216.245>
- Jenny, F. (2021). Competition law and digital ecosystems: Learning to walk before we run. *Industrial and Corporate Change, 30*(5), 1143–1167. <https://doi.org/10.1093/icc/dtab047>
- Kovalenko, A. I. (2019). Multi-sided platforms and essential facilities doctrine. *Journal of Modern Competition, 3*(75), 26–34.
- Kovalenko, A. I. (2021). Big data as a essential facilities in the antitrust regulation of digital markets. *Journal of Modern Competition, 2*(82). <https://doi.org/10.37791/2687-0657-2021-15-2-19-28>
- Levakov, P. A., & Pavlova, N. S. (2024). Big data as a source of market power of digital platforms. *Social Sciences and Contemporary World, 1*, 74–91. <https://doi.org/10.31857/S0869049924010066>
- Lynskey, O. (2018). *Non-price effects of mergers: Note*. Paris: OECD Publishing.
- Mariniello, M. (2025). *Reinforcing EU merger control against the risks of acquisitions by big tech: Policy Brief, 11/2025*. Brussels: Bruegel.
- Martens, B. (2020). Data access, consumer interests and social welfare: An economic perspective. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3605383>

- Motta, M. (2004). *Competition policy: Theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511804038>
- Prüfer, J., & Schottmüller, C. (2017). Competing with big data. *TILEC Discussion Paper, 2017-006*. Tilburg: Tilburg Law and Economics Center. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2918726>
- Radinsky, K. (2015, March 2). Data monopolists like Google are threatening the economy. *Harvard Business Review*.
- Shastitko, A. E., Markova, O. A., Meleshkina, A. I., & Morozov, A. N. (2020). Big data-based pricing: the problem field. *Moscow University Economics Bulletin*, 6, 3–22. <https://doi.org/10.38050/01300105202061>
- Shiller, B. R. (2016). *Personalized price discrimination using big data: Brandeis University Working Paper, 108*. Waltham: Brandeis University, Department of Economics and International Business School.
- Stucke, M. (2018). Should we be concerned about data-opolies? *Georgetown Law Technology Review*, 2, 275–324 (2018), *University of Tennessee Legal Studies Research Paper*, 349. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3144045>
- Stucke, M., & Ezrachi, A. (2016). *Virtual competition: The promise and perils of the algorithm-driven economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Szczepanik, P., Zahrádka, P., Macek, J., & Stepan, P. (2020). Digital peripheries: The online circulation of audiovisual content from the small market perspective. *Springer International Publishing*. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-44850-9>
- Tucker, C. E. (2019). Digital data, platforms and the usual [antitrust] suspects: Network effects, switching costs, essential facility. *Review of Industrial Organization*, 54(4), 683–694. <https://doi.org/10.1007/s11151-019-09693-7>
-

Вклад авторов

Авторы подтверждают, что полностью отвечают за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The authors confirm sole responsibility for all aspects of the work.

Информация об использовании искусственного интеллекта

ИИ не использовался.

Information about the use of artificial intelligence

AI was not used.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 16.06.2026

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 05.08.2026

Дата принятия в печать / Accepted 25.08.2026